

Курганова Светлана Владимировна
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация
kurganovasv@gmail.com

Формы занятости в России и их взаимодетерминация

Аннотация. В статье рассматриваются основные формы занятости населения. Приводятся результаты статистического анализа взаимосвязей между ними. Делается вывод о сформировавшейся сложной системе занятости в современной России, дается её краткая характеристика.

Ключевые слова: стандартная, неформальная, вторичная, дистанционная занятость; фриланс; взаимосвязь между формами занятости

Kurganova Svetlana Vladimirovna
Saratov State University,
Saratov, Russian Federation
Kurganovasv@gmail.com

Employment forms in Russian Federation and their mutual determination

Abstract. The article discusses the main forms of employment. The results of a statistical analysis of the relationships between them are presented. The conclusion is drawn about the emerging complex employment system in modern Russian Federation, its brief description is given.

Keywords: standard, informal, secondary employment; teleworking; freelance; relationship between forms of employment

В настоящее время российское общество тратит колоссальные ресурсы для преодоления вызовов, брошенных ему реалиями современного глобального общества: эпидемии COVID-19 и спровоцированным им экономическим кризисом. Меры, предпринятые для преодоления угрозы нового вируса, привели к серьезным изменениям во многих сферах жизнедеятельности людей. Затронули они и сферу работы. Одни отрасли вынуждены были приостановить свою деятельность, другие, напротив, стали активно развиваться. Широко распространенными стали дистанционные формы работы. В настоящее время ученые пытаются оценить глубину и устойчивость этих изменений, их последствия для общества. Вместе с тем, чтобы говорить о будущем, о том, что будет после ликвидации эпидемии, надо четко знать, что было до того. Другими словами, чтобы делать выводы о том, как с учетом фактора коронавируса изменится занятость людей в ближайшие годы, надо знать особенности организации их занятости до того момента.

В этом направлении было сделано немало. Исследователи активно изучают новые формы занятости: фриланс, зависимую самозанятость, агентскую занятость, временную занятость и т.д., реже уделяя внимание её традиционным формам: трудовой миграции, вторичной занятости и проч.

Вместе с тем, в данной статье хотелось бы обратить внимание на необходимость изучения не просто отдельных форм занятости (хотя это является важным исследовательским направлением), а на особенности их взаимодействия. Известно, что реальное поведение людей в сфере занятости далеко не всегда реализуется через какую-либо одну форму занятости. Стремясь адаптироваться к сложной и трудно прогнозируемой экономической ситуации, трудящиеся во многом интуитивно стремятся совмещать различные стратегии занятости, что помогает им получать доступ к разным источникам поступления денег. Таким образом, различные формы занятости представлены на рынке труда не изолировано. Они складываются в сложные комбинации, которые образуют в итоге систему форм занятости, являющуюся ответом на специфическую ситуацию в современной России.

Выявление таких взаимосвязей между разными формами занятости предъявляет специфические требования к эмпирической информации. Исследование, проведенное в 2018 году в г. Саратове группой студентов под руководством автора, дает нам возможность такого анализа.

Формализованное анкетирование населения г. Саратова в возрасте от 18 до 65 лет⁴⁶⁶ было посвящено проблемам занятости и охватило саратовцев, работающих в таких режимах как стандартная, нестандартная (гибкая), вторичная, неформальная, дистанционная занятость, а также фриланс и трудовая маятниковая миграция.

Анализ корреляционных связей между разными формами занятости, реализуемыми респондентами, позволил установить взаимную сильную детерминацию стандартной/нестандартной и формальной/ неформальной занятости (F Фишера = 0,5, $p < 0,001$), формальной/ неформальной занятости и фриланса (F Фишера = 0,3, $p < 0,001$), фриланса и дистанционной занятости (V Крамера = 0,4, $p < 0,001$). Менее слабыми, но статистически значимыми связями были охвачены и все остальные формы занятости, за исключением маятниковой миграции, оказавшейся в полной статистической изоляции. Трудовые мигранты, работающие в режиме маятниковой миграции, оказались в равной степени вовлечены в стандартную и нестандартную занятость, формальную и неформальную, доля мигрантов, вовлеченных во фриланс, дистанционную работу и вторичную занятость, оказалась сопоставимой с соответствующей долей немигрантов. Таким образом, маятниковая трудовая миграция оказалась особой формой занятости, не тяготеющей к каким-либо другим формам трудоустройства.

⁴⁶⁶ Выборка формировалась по принципу квотного отбора. В качестве критериев отбора использовались район проживания, пол и возраст респондентов. Объем выборочной совокупности составил 406 человек.

Рассмотрим выявленные взаимосвязи подробнее.

Среди стандартно занятых респондентов оказалось подавляющее большинство – 94 % – трудоустроенных с соблюдением всех формальностей. Среди нестандартно (гибко) занятых таковых оказалось лишь 38 %, тогда как работающих на основе неформальной договоренности – 62 %. При этом среди формально трудоустроенных процент стандартно занятых еще выше – 96,5 %, среди неформально трудоустроенных таких оказалось лишь 54 %, соответственно, 46 % причислили себя к нестандартно занятым. Таким образом, с точки зрения респондентов, стандартная занятость и формальное, с занесением в трудовую книжку, трудоустройство являются синонимичными. С нестандартной занятостью ситуация обстоит сложнее. Опрошенные чаще относили себя к стандартно занятым, пусть и на неформальных трудовых соглашениях, чем к занятым нестандартно, но с оформлением трудовой книжки. Можно предположить, что помимо заключения формального трудового соглашения, стандартная занятость предполагает также привычный рабочий режим как у всех.

Также среди стандартно занятых оказалось 7 % работников, вовлеченных в момент опроса во вторичную занятость, 9 % тех, кто был вовлечен ранее и 84 % таких, кто не был вторично занят вообще. Среди нестандартно занятых 8 % вовлечены во вторичную занятость в настоящее время, 27 % когда-то были вовлечены и лишь 65 % не обладающих подобным опытом. При этом среди опрошенных, имеющих вторую работу, нестандартно занятых оказалось 9 %, среди тех, кто имел вторую работу в прошлом, численность нестандартно занятых выросла до 20 %, тогда как среди не имеющих опыт вторичной занятости – только 6 %. Стабильно высокие доли имеющих опыт вторичной занятости в прошлом среди нестандартно занятых позволяют сделать вывод о том, что вторичная занятость выступает неким «мостиком», этапом перехода трудящихся от стандартной занятости к нестандартной.

Среди стандартно занятых доля фрилансеров составляет 9 %, тогда как среди нестандартно занятых – 23 %. И наоборот, среди фрилансеров доля нестандартно занятых достигает 19 %, а среди «нефрилансеров» – лишь 7 %. Таким образом, нестандартная занятость и фриланс – тесно связанные между собой категории, пусть и не абсолютно перекрывающие друг друга. Присутствие фрилансеров среди стандартно занятых объясняется распространенностью явления «смешанного» фриланса, когда трудящийся, наряду с традиционным рабочим местом в режиме стандартной занятости подрабатывает в режиме фриланса. Наличие же «нефрилансеров» в рядах нестандартной занятости можно объяснить богатством её форм, которые не сводятся к одному фрилансу.

Рассмотрим взаимодействие формальной/ неформальной занятости и фриланса. Согласно полученным данным, среди формально трудоустроенных доля фрилансеров составляет 7 %, тогда как среди неформально трудоустроенных их доля вырастает в 4,5 раза – до 31 %. С другой стороны, среди фрилансеров доля неформальной занятости

еще выше – 37 %, тогда как среди «нефрилансеров» – лишь 9 %. Таким образом, между фрилансом и неформальной занятостью наблюдается еще более тесная связь, чем в случае со стандартной занятостью, что говорит нам о преимущественно теневом характере фриланса.

Зависимость между формальной/неформальной и вторичной занятостью является менее выраженной, но также статистически значимой. В целом среди неформально трудоустроенных доля саратовцев, имеющих опыт вторичной занятости, более высокий, чем среди формально трудоустроенных. Так, среди неформально работающих 11 % вовлечены во вторичную занятость в настоящее время (среди формально работающих – 6 %), 22 % во вторичную занятость были вовлечены в прошлом (9 %). При этом среди всех вовлеченных во вторичную занятость в настоящее время 19 % работают неформально, а среди вовлеченных во вторичную занятость в прошлом – 23 %. Таким образом, довольно значительная часть сегмента вторичной занятости, пусть и не так много, как фриланс, находится в тени. Вместе с тем, по сравнению с прошлым доля его «теневизации» постепенно сокращается.

Формальная/ неформальная и дистанционная занятость также статистически взаимосвязаны: среди формально трудоустроенных «чистых» дистанционников, работающих только дома, оказалось лишь 0,5 %, тогда как среди неформально трудоустроенных – 5,5 %. В свою очередь, среди всех работающих только дома доля неформально занятых составила 64 %, тогда как среди работающих на предприятии или совмещающих традиционное рабочее место на предприятии и дома доля неформально занятых не превышает и 13 %. Отсюда можно сделать вывод о теневизации дистанционных форм труда, что роднит их с фрилансом и вторичной занятостью.

Анализ связи вторичной занятости и фриланса показал статистически значимую, но не сильную зависимость. Тем не менее, среди вовлеченных во вторичную занятость в настоящее время насчитывается 23 % фрилансеров, среди вторично занятых в прошлом – 22 %, тогда как среди респондентов без опыта вторичной занятости их оказалось лишь 8 %. При этом среди самих «вольных копейщиков» намного выше доля саратовцев с опытом вторичной занятости, чем среди «нефрилансеров»: 12 % против 5 % (вовлечены во вторичную занятость в настоящее время) и 24 % против 11 % (вовлечены во вторичную занятость в прошлом). Это говорит о наложении друг на друга вторичной занятости и фриланса. Действительно, согласно данным по российскому фрилансу, преобладают фрилансеры смешанного типа, которые совмещают стандартную занятость и фриланс, что осуществляется именно в режиме вторичной занятости.

Вторичная и дистанционная занятость коррелируют друг с другом практически на границе общепринятой статистической значимости ($p = 0,051$). Тем не менее, анализ их взаимосвязи показал, что среди когда-либо вовлекавшихся во вторичную занятость нет ни одного респондента, работавшего дома, зато довольно значительны доли тех, кто работает и на предприятии, и дома (18 % среди вторично занятых в прошлом, 22 % – в настоящее время). При этом среди тех саратовцев, что работают и дома, и на

традиционном рабочем месте, высока доля вовлеченных во вторичную занятость как в настоящее время (15 %), так и в прошлом (21 %). Таким образом, вторично занятые работники, взваливая на себя дополнительные трудовые обязанности, часто берут свою работу на дом, что говорит о значительной трудовой нагрузке и нехватке полноценного отдыха у данной группы опрошенных.

Что касается последней пары форм занятости, фриланса и дистанционной занятости, то они оказались связаны довольно сильной статистической связью (V Крамера = 0,4, $p < 0,001$). Среди фрилансеров работающих исключительно дома оказалось 12 % (среди «нефрилансеров – 0 %), работающих и дома, и на традиционном рабочем месте – 20 % (среди «нефрилансеров» – 8 %). Притом 100 % домашних работников определили себя в качестве фрилансеров, среди работающих на предприятии оказалось лишь 8 % фрилансеров, среди работающих и дома, и вне дома – 22 % фрилансеров. Представленные данные позволяют нам сделать вывод о том, что дистанционные формы работы, как чистые, так и смешанные (пусть и в меньшей степени), представлены фрилансерами.

Подводя итоги проведенного скрупулезного анализа взаимосвязей между различными формами занятости, можно сделать следующие выводы:

1. Формы занятости, рассмотренные в данной статье (стандартная/нестандартная, формальная/неформальная, вторичная, дистанционная занятость и фриланс) связаны статистически значимыми взаимосвязями и образуют сложно организованную систему занятости, сложившуюся в российском обществе к настоящему моменту;

2. Занятость в режиме маятниковой трудовой миграции функционирует независимо от других форм занятости;

3 В российских условиях наиболее представлена стандартная занятость, которая тесно сопрягается с формальной занятостью, и практически выступает в качестве её синонима;

4. Неформальная занятость имеет более сложную структуру. Как правило, она реализуется в форме фриланса, вторичной и дистанционной занятости;

5. Вторичная занятость и смешанный фриланс выполняют роль дополнительных источников дохода при стандартной занятости, также их объединяет преобладающий дистанционный режим работы;

6. Отдельно можно выделить чистый фриланс, который реализуется только в режиме дистанционной занятости.